

С Т Е Н О Г Р А М М А
заседания "круглого стола" на тему "О проблемах
архитектурной деятельности в Российской Федерации:
законодательный аспект"

15 апреля 2015 года

С.Е. РЫБАКОВ

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Я так понимаю, что основное число участников нашего "круглого стола" собралось. И сегодня мы с вами проводим "круглый стол" на тему "О проблемах архитектурной деятельности в Российской Федерации: законодательный аспект".

Я с удовольствием объявляю, что этот "круглый стол" совместно проводят два комитета Совета Федерации. Это комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, который предоставляет здесь Лукин Сергей Николаевич. А также Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре, заместителем председателя которого я являюсь, от которого присутствует ваш покорный слуга Рыбаков Сергей Евгеньевич, Сударенков Валерий Васильевич. Здесь Валерий Васильевич? Соболев Андрей Николаевич. Здесь.

Кроме того, присутствуют представители Министерства культуры, достаточно большое число представителей той отрасли, которую мы сегодня рассматриваем, то есть архитектуры в широком смысле этого слова. Из Минстроя не подошел товарищ. Вы присутствуете, Гармаш Оксана Алексеевна.

Таким образом, мы начинаем нашу работу. С самого начала хотелось бы сказать, что сегодня мы затрагиваем очень серьезные

вопросы, потому что архитектурная деятельность, как таковая, вообще очень широка. Существует закон, который регулирует эту архитектурную деятельность. И сегодня, возможно, мы будем обсуждать какие-то законодательные инициативы, в том числе потому что времени прошло достаточно много с того времени, как действует существующая законодательная база. Возможно, что-то потребует изменений.

Конечно же, проблемы, которые будут сегодня ставиться, я надеюсь, мы их рассмотрим достаточно продуктивно. Они достаточно разнообразные. Многие из них, конечно, порождены нынешним временем, которое существенно отличается от того времени, в котором мы жили 30–40 лет назад. И, безусловно, те рыночные реалии, которые сегодня существуют, реалии строительства, в общем процессе которого участвует архитектура, они вызывают ряд существенных изменений и ряд запросов, ряд вызовов предоставляет сегодня время.

Конечно, есть проблемы, которые связаны с тем, что архитектор в последние годы, да и не совсем в последние годы, в последние десятилетия, я бы так сказал, попадает в достаточно непростую ситуацию, поскольку он выполняет те требования и те задачи решает, которые ставит ему заказчик. Те коррективы, которые внес рынок в этот процесс, конечно, существенно влияют на то, как работает архитектор.

Что, собственно говоря, в его работе остается от творчества, что остается в работе от его архитектурного самосознания, я бы так выразился, и что диктуется рынком, что диктуется интересами заказчика, в том числе интересами получения выгоды на каждый квадратный сантиметр. Это важный вопрос, на него никто еще не

дал ответа. Я надеюсь, что мы хоть как-то приблизимся к началу разговора на эту тему.

Я думаю, что все присутствующие хорошо понимают, о чем я говорю. И это, может быть, тот самый, ключевой вопрос, от которого зависит все остальное.

Безусловно, из рыночной ситуации, из отношений экономики в архитектуре вытекают многие вопросы, которые связаны с проведением конкурсов, тендеров, торгов и с участием архитектурных проектов в этих процедурах, потому что мы отлично понимаем, что архитектурная деятельность подразумевает некие иные вещи, кроме только цены и сроков исполнения, по которым часто в результате конкурсных процедур рассматриваются победители, выявляются победители. Мы это очень хорошо понимаем, что здесь не все так просто, как, впрочем, и по целому ряду других видов деятельности, которые в частности мы рассматривали на нашем прошлом "круглом столе", когда говорили о государственной культурной политике, о вызовах времени, и отмечали, что если уж называть конкретные вещи своими именами, то федеральный закон № 44 далеко не все объясняет, адекватно регулирует, например, в области культуры и в области различных отраслей культуры. Какие-то подобные вопросы, несомненно, возникают и в сфере архитектуры.

Наверное, одной из существенных проблем нашего времени, без сомнения, является, не побоюсь этого слова, некий упадок градостроительной деятельности, потому что мы все понимаем, о чем идет речь. Мы говорим о том, что архитекторы могут очень эффективно, великолепно и творчески работать, выполняя отдельные проекты отдельных объектов, но мы сталкиваемся с тем, что в муниципалитетах, городах, сельских поселениях нашей страны

зачастую находятся далеко не в должном состоянии градостроительная деятельность, то есть застройка целых микрорайонов, планирование деятельности в рамках всего города, муниципалитета и вопрос привлечения к этому профессионалов в области градостроительства, архитектуры.

Я уж не говорю о тяжелой ситуации, например, в районах центра и других муниципалитетов небольшого уровня, где зачастую (и я это просто совершенно точно знаю) по ряду муниципалитетов просто нет ни одного человека с архитектурным образованием. Что делать? Как вообще составлять генплан, как решать вопросы градостроительной деятельности? Но даже и в тех местах, где народу побольше и специалистов достаточно — ряд серьезнейших и актуальных проблем в области градостроительства.

Безусловно, отдельного вопроса заслуживает тематика объектов культурного наследия и исторических поселений, то есть различных форм сохранения культурного наследия. Я думаю, что об этом нам достаточно содержательно расскажет представитель Министерства культуры, потому что это та сфера, в которой роль архитектора весьма важна. И, к сожалению, то ли в силу законодательного неполного урегулирования этих ситуаций, то ли в силу несовершенства архитектурного самосознания у самих архитекторов не все ладно. И мы зачастую сталкиваемся с тем, что сами же участники этого процесса, сами члены архитектурного сообщества не всегда корректно ведут себя по отношению к нашему культурному наследию, и происходит нередко то, что не должно происходить.

И, безусловно, ряд вопросов возникает в связи с профессиональным уровнем существующего архитектурного сообщества. И мы понимаем, что наряду с великолепными

архитекторами, прекрасно подготовленными и изготавливающими проекты по самым лучшим и высоким образцам, не всегда тот уровень архитекторов, который участвует в заказах, те, которые создают различные те или иные объекты и строят здания... не всегда этот уровень соответствует тому, чему хотелось бы и чего требует современная ситуация. Это связано и с проблемой подготовки кадров для архитектуры, и с вопросами лицензирования либо аттестации либо допуск либо как угодно, но понятно, о чем идет речь. Идет речь о том, насколько можно оценить уровень подготовки и готовности архитектора к тому, чтобы он самостоятельно начал заниматься архитектурной деятельностью. И мы понимаем, что на данный момент та система, которая существует у нас, также не вполне соответствует требованиям времени и тому, что предъявляется сегодня во всем мире к архитектору.

И вот я думаю, что те проблемы, лишь некоторые из которых я сейчас обозначил, мы сегодня подробно и продуктивно поговорим обо всем этом. С огромным интересом будем ждать предложений, в том числе и в изменении законодательства, то есть нормативных актов как законодательного уровня, так и ведомственного уровня. С огромным удовольствием, я думаю, что все это выслушают представители Минстроя и Минкультуры, потому что они сюда пришли не для того чтобы свое время просто так потратить.

И еще раз благодарю всех за участие в нашем мероприятии, за то, что пришли и отозвались. И напоминаю, конечно же, о регламенте, потому что мы вообще-то хотим провести наше мероприятие за полтора часа. И я думаю, что пяти минут для выступления хватит каждому, и надо думать не только о себе, но и о тех, кто тоже хочет выступить. Поэтому предлагаю, выступление — до пяти минут. Заранее предупреждаю, что могу поступить

неделикатно и жестко кого-то оборвать, а потому что иначе мы просто не сможем работать.

Спасибо еще раз всем большое. И я предоставлю слово первому Есаулову Георгию Васильевичу, проректору Московского архитектурного института именно потому, что одним из поводов обсуждения тех проблем, которые мы сегодня обсуждаем, является некая инициатива, представленная группой наших инициативных друзей. И мы с удовольствием послушаем то, что они нам хотят рассказать в законодательном аспекте, а дальше уже разовьем дискуссию. И прошу не обижаться, если кто-то по рангу выступает со слишком большой цифрой, не с той, с которой бы он хотел. Прошу прощения, но я думаю, что мы так все нормально включимся в дискуссию, невзирая на ранги и чины. Спасибо.

Г.В. ЕСАУЛОВ

Спасибо большое, Сергей Евгеньевич.

Я прежде всего благодарен Комитету по науке, образованию и культуре. И как показывает только что выслушанное нами выступление, сама деятельность архитектора связана со всеми этими сферами и, безусловно, охватывает всю территорию нашей страны.

Благодаря интересу к деятельности сообщества архитектурного, нам удалось в своих предложениях, которые рабочей группой были подготовлены, дать некоторые рекомендации по взаимодействию архитектуры и искусства. Но в дальнейшем, благодаря работе, выполненной Союзом архитекторов Российской Федерации, эта работа переросла уже в законодательные инициативы.

Хотел бы остановиться на одном из аспектов. Прошедшие за более чем 20 лет изменения в системе высшего образования, а как мы видим, в основе принятия всех решений и выполнения тех или иных работ лежит деятельность профессионала-архитектора,

вследствие этих изменений произошла реструктуризация самого процесса подготовки архитектора. Сегодня это уже не архитектор-специалист, оканчивавший институт, а в следующем 2016 году последние уже наборы будут получать квалификацию "архитектор", а дальше это будет две ступени, вернее, на сегодняшний день – три ступени: бакалавр архитектуры, магистр архитектуры и окончивший аспирантуру (специалист-исследователь или педагог). Эти три ступени ориентированы во многом на теоретическую подготовку. Сегодня, в отличие, скажем, от 80-х годов прошлого века, количество высших школ или вузов на территории России, при которых есть подготовка специалистов, увеличилось почти в два раза. 80 высших учебных заведений на территории России готовят сегодня архитекторов. Причем набор не так велик – 2780 архитекторов набирают все вместе взятые вузы. А я думаю, вы понимаете, насколько эта цифра мала. Но в соответствии с госзаданием она именно такова. Педагогический состав, педагогический коллектив также разнообразен. Поэтому сегодня исключительно важно, уделяя внимание, а нас к этому инициировали принятые основы государственной культурной политики в прошлом году, рассмотреть возможность качественного улучшения всей подготовки архитекторов. Это связано и с подготовкой педагогов, и с организацией системы вхождения выпускника вуза в проектный реальный процесс. И как мы с вами видим сегодня, это процесс, осуществляемый и архитектором, занимающимся объемным проектированием, и формированием каких-то объектов среды и градостроительной деятельностью. Очевидно, что сегодня без принятия законодательных и нормативных новых актов невозможно решить те задачи, которые стоят перед отраслью как в области охраны историко-культурного наследия, так и в области организации

выбора оптимальных или наилучших решений, чему способствует, по свидетельству мировой исторической и современной практики, организация открытых архитектурных конкурсов, в которых имели бы возможность участвовать, выигрывать и осуществлять свои замыслы представители самых различных архитектурных поколений.

Конечно, очень важно, чтобы архитектура занимала достойное место в ряду направлений образования. Сегодня она отнесена к техническим специальностям, и поэтому все требования односторонне ориентированы на техническую составляющую. Во всех этих 80 вузах 126 кафедр отчитываются показателями, которые требуются или предъявляются к техническим вузам. Я думаю, вы понимаете, это металлургическая, обрабатывающая промышленность и так далее.

Поэтому единство науки, культуры, искусства, техники, технологии в одной профессии требуют к ней особого внимания. Вероятно, выделение такого направления могло бы решить очень многие задачи. Спасибо за внимание.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо. Спасибо за четкое соблюдение регламента.

Георгий Васильевич, понятно.

И я бы хотел предоставить слово Бокову Андрею Владимировичу, президенту Союза архитекторов России.

А.В. БОКОВ

Благодарю Вас, Сергей Евгеньевич.

Уважаемые коллеги, хочу отметить, что мы собрались в замечательный день, сегодня Всемирный день культуры, который обязан своим появлением нашему великому соотечественнику Николаю Рериху. И это тем более актуально в связи с тем, что, как сказал Георгий Васильевич, в конце прошлого года мы получили

указ Президента, подтверждающий практически изменения отношения к архитектуре в документе, который называется "Основы культурной политики". Там впрямую говорится о том, что архитектура, градостроительство являются частью социально-культурного компонента, частью этого процесса, базовой частью, основной и так далее. Впервые за 60 лет мы слышим эти слова.

Нет нужды еще раз повторять, что от самочувствия по профессии, самочувствия архитектора во многом зависит самочувствие города, качество города, качество среды, напрямую связано просто. И отражается то состояние на том, что мы видим вокруг себя.

Сегодня мы обсуждаем по существу пятую модель организации профессиональной практики за двадцать лет. Пятую модель. Не будет преувеличением сказать, что на нас испытаны были все возможные версии организации проектной деятельности или вообще профессиональной деятельности. Все, что можно, все это у нас было, те варианты лицензирования, без лицензирования и так далее, пятая модель. Это означает, что мы должны с особой ответственностью подойти к принятию сейчас решений, постараться избежать того, чтобы в шестой раз к этому, в седьмой не возвращаться.

Никто сегодня уже не оспаривает необходимость квалификации физических лиц. Только что Георгий Васильевич сказал, что поразительно, да, но те выпускники вузов, которые пытаются строить карьеру преподавателя или ученого, чувствуют себя гораздо более комфортно. Они заканчивают аспирантуру, получают документ, тем самым получают права гражданства. Мы этих прав гражданства сегодня не имеем. Там, где в мире нужны квалифицированные или лицензированные архитекторы, мы

отсутствуем. Всюду, где идет речь о выполнении тех или иных работ, тех или иных услуг проектных, всюду идет "license" – лицензированный. Мы не можем там участвовать. Мне приходят письма из Соединенных Штатов, из Евросоюза и так далее: давайте подпишем с вами взаимное соглашение о признании квалификационных документов. Я им пишу: знаете, у нас нет квалификационных документов. Им это как-то понять всем сложно, всем, начиная от наших ближайших западных соседей – всех бывших советских республик, Прибалтики, включая Белоруссию, Украину Армению, Молдову, Грузию и так далее. Во всех этих странах существует институт квалификации физических лиц. В интересах не столько профессии, сколько в интересах защиты граждан, защиты общества от непрофессиональных действий. Все очень просто.

Три версии по существу возможных сегодня квалификаций существует и в мире, и у нас они по-прежнему возможны. Первая версия – это государственная квалификация, конечно. Это значит, что вслед за государственными аттестационными комиссиями, даже за ЕГЭ и так далее, вот в этой цепи должна быть еще одна стадия для практикующих архитекторов, которая называется государственная лицензия и прочее. Другое дело, что очень часто государство делегирует право выдачи этих квалификационных документов разного рода институтам. Практически всю, но так и происходит. В европейских странах, наших соседях, как правило, это профессиональные сообщества, профессиональные организации, которым такое поручение поступает. Им доверяется это дело. Нечто подобное было и у нас, с 1995 по 2003 год. Это был уникальный опыт, очень продуктивный, который, к сожалению, ничем не закончился.

Что является следствием этого? Не только подтверждение квалификации, но также вторым шагом является формирование профессионального сообщества, которое действует на основе своей собственной конституции. Мы все-таки люди миссии, мы люди, которые работают не в интересах прибыли, не во имя прибыли, а принципиально иная мотивация присутствует. Мы – в интересах дела, в интересах граждан, в интересах получения высококачественного решения. Так устроена наша деятельность, так устроены наши мозги, так мы себя ощущаем в обществе. И это требует соответствующего регулирования. Регулирования через институт, через документ, через некую конституцию, которая называется "Кодекс профессиональной этики". Нарушаешь – тебе не место здесь. Это основа профессиональной практики. Это есть у военных, это есть у врачей, это есть всюду, это всегда было у архитекторов, это по сей остается там, где есть система лицензирования, где есть прямые допуски к профессиональной деятельности.

Итак, три сценария. Я их практически все назвал. Это государственная лицензия, которая выдается так или иначе с участием уполномоченного органа исполнительной власти, в данном случае это Минстрой или какой-то другой орган; скорее всего, Минстрой. Второй вариант – это профессиональное сообщество, как это часто, как я уже сказал, в европейских странах делается. И мы готовы сегодня на себя взять часть этой ответственности, поскольку сегодня создана Национальная палата архитекторов, создана Межрегиональная палата архитекторов. Это существующие структуры, работающие, работоспособные структуры, деятельные и гарантированные от каких бы то ни было проявлений коррумпий, мошенничества и так далее. И третье – это появившийся не так

давно другой вариант, связанный с НОПРИЗом, с институтом саморегулирования юридических лиц, который, по-видимому, также может претендовать на выдачу этих квалификационных аттестатов.

Это последняя модель, она сегодня обсуждается наиболее активно. И два слова по этому поводу.

В чем ее некоторые странности? Первое, что едва ли мы будем в состоянии ориентировать НОПРИЗ объединить всех профессионалов, всех архитекторов. Дело в том, что почти половина практикующих архитекторов не связана, не входит в систему СРО, прежде всего это градостроители (а для нас это принципиально важно). Природа вообще архитектурной профессии в России такова, что она чрезвычайно активно завязана, она воспитана на градостроительном подходе, архитектура гораздо более тесно связана с градостроительством, чем в других школах, других практиках в других странах. Дальше это все те, кто занимается ландшафтными проектированием, интерьерами, тем, сем и так далее — это половина нашего сообщества. Они оказываются по существу вне этого дела.

Дальше это, конечно, возможное отсутствие в данном случае института кодекса этики. Раз существует институт юридических лиц, он все регулирует. Палата там отсутствует, ее нет, она не может быть, и она не актуальна.

И третье. Это не мое суждение, это общее ощущение того, что возникла эта структура в связи с традиционным пониманием, традиционным представлением для нас, к сожалению, об архитектуре, как о деятельности, которая занимается общим обеспечением строительной практики, то есть обеспечением строительства: проектное обеспечение, строительство и процесс весь. Поэтому надо создавать нечто подобное тому, что существует у строителей, поэтому создается такое большое крупное объединение и

так далее. На самом деле, как только что было сказано, Сергей Евгеньевич, Вами и Георгием Васильевичем, природа архитектурной деятельности принципиально отлична от того, чем занимаются строители. Все-таки это скорее предпринимательство, это другой тип практики, это другие мотивы абсолютно. И мы полагаем, что в том, чем занимаемся мы, нужны какие-то особые специфические, чуть отличные решения, которые должны все-таки следовать здравому смыслу и быть тем позитивным примером, который мы в своей собственной жизни в состоянии найти, и в других странах. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо, Андрей Владимирович. Ваше выступление лишь подчеркивает сложность этой проблемы и ее дискуссионность. Однако Вы сделали акцент, опять же, если отталкиваться от моего выступления, именно на пятой проблеме, она о профессиональном уровне архитекторов, безусловно. И, скажем так, приведение этого уровня в соответствие... назовем условно "аттестация", пусть будет это слово. Аттестация архитекторов. И действительно ведь эти проблемы характерны не только для архитектурной деятельности, по целому ряду других видов культурной деятельности, например, мы сталкиваемся с тем, что действительно этот механизм не отработан и действительно возникает вопрос: на какие документы, на какую оценку профессионального уровня можно вообще в дальнейшем опираться? Потому что мы где-то, наверное, все догадываемся, что у архитектора, как у врача, как у представителей целого ряда других специальностей, вряд ли может быть исчерпывающим основанием, чтобы считать его таковым, только наличие диплома. Это мы отлично понимаем. Кстати говоря, у нас есть очень мало примеров, даже в совершенно других видах деятельности, где эта схема достаточно отработана. Например, у нотариусов – яркий пример, где

этот вопрос решен. Но по целому ряду других специальностей, профессий не решен, поэтому мы здесь, уж не знаю, радоваться этому или огорчаться, архитекторы находятся совершенно не в исключительном положении, и это может быть то самое начало пути, несколько задержавшегося в своей хронологии, но именно начало пути, на котором мы сейчас находимся.

Безусловно, хотелось бы поговорить и о целом ряде других проблем, которые присутствуют у нас сегодня в поле нашего "круглого стола", в том числе о необходимости законодательного регулирования.

Кроме того, почему я так комментирую выступление Андрея Владимировича? Он абсолютно верно сделал акцент на том, что архитектура – это такая деятельность, которая совмещает в себе целый ряд задач. Безусловно, правомерно рассмотрение ее и как творческой деятельности, безусловно, правомерно рассмотрение ее в какой-то степени как части строительной деятельности, потому что архитектор, безусловно, участвует в строительстве, не может же он создавать проекты просто себе в стол.

Соответственно сейчас мы с огромным удовольствием послушаем Посохина Михаила Михайловича, президента как раз того самого национального объединения изыскателей и проектировщиков. Спасибо большое.

М.М. ПОСОХИН

Спасибо, Сергей Евгеньевич за предоставленную возможность выступить.

Я хочу сказать, что мы собрались не для того, чтобы дискутировать с Андреем Владимировичем о пользе или не пользе созданного и действующего НОПРИЗ и так далее, и вообще обсуждать тему саморегулирования, а мы наверное призваны сегодня

отметить: первое – это тот факт, что необходимо (да!) принимать закон об архитектурной деятельности, он необходим. Мы должны нашу профессию рассматривать с разных точек зрения, потому что она сама по себе многогранна. И как вы правильно сказали, это и градостроительство, это и охрана культурных ценностей, реставрационные работы, это и создание промышленных объектов, жилых, общественных зданий и так далее.

Но в этом процессе совершенно понятно, что архитектор, всю жизнь стремящийся стать художником и деятелем культуры в чистом виде, всегда получается в двойственном положении. Он не может сказать, что я стопроцентный художник. Художник один: холст, краски, кисть и больше никого. Архитектура это коллективная профессия, это коллективное творчество. Помимо архитектора лидера, есть его помощники, то есть это всегда целый коллектив, неразрывно связанный со смежными профессиями. Это инженеры, конструкторы, специалисты по разным профессиям, которые в целом создают продукт, который не сразу оказывается в руках потребителя. Он проходит огромный процесс, который называется строительством. И без тесной связи со строительством, с теми нормативно-правовыми основами вообще строительного комплекса, трудно представить и выделить из этого чисто архитектурную деятельность. То есть любой архитектор, достигший успеха в своей жизни, это тот, кто знает весь проект от начала до конца.

С точки зрения оценки его возможностей, на сегодняшний день, конечно, как уже говорилось, есть разные варианты оценок. Но если мы задумаемся серьезно в эту проблему, то какая существует настороженность в отношении или составления любых реестров, любых оценок и так далее. Это вопрос о том, достаточно ли будет этот процесс без групповщины, без деления на любимых и не

любимых, и кто возьмет на себя право, кроме Бога и результата уже архитектурной деятельности, заранее оценивать того или иного архитектора.

Понимаете, когда мы сдаем вождение (на права) и то есть разные нюансы, которые этот экзамен ставят под вопрос. Здесь довольно трудная ситуация. Потому что для того, чтобы... Я здесь посмотрел этот тезис и правильно здесь указано, что раньше, в советское время, только к 40–45 годам архитекторы или художник, или кинематографист достигал какой-то возможности что-то сотворить и предъявить миру. Да, сегодня совершенно другие условия. Но сегодня и условия такие, что студенты до того, как они получили еще свои дипломы бакалавра или магистра, они уже участвуют в нашей жизни, в нашей проектной сфере и так далее. Поэтому, да, они имеют право сегодня участвовать и в строительном процессе.

Поэтому я хочу сказать, что я в целом должен поддержать те тезисы, которые здесь лежат, для обсуждения на "круглом столе". Они в правильном направлении написаны. Но сама проработка законодательной базы с учетом того, что помимо архитектурной палаты, создана инженерная палата, и сейчас создается изыскателей палата, то есть возникают три палаты, которые должны в законодательном плане быть увязаны. И я плохо себе представляю, что будут законы по каждой из них меняться и приниматься отдельно Федеральным Собранием.

Поэтому мне кажется, что нужна какая-то рабочая группа или нечто подобное, которое бы эти все нюансы и все отдельные части приведет к какому-то единому решению, единому мнению для того, чтобы начать уже действительно движение с этим законом об архитектурной деятельности, и уже ввести его в законодательное

русло, и прорабатывать с точки зрения законодательства и точности юридических формулировок. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо большое, Михаил Михайлович.

И еще раз мы слышали про многогранность архитектурной деятельности, как прочим и многих других. Просто мы иногда предпочитаем загонять это в Прокрустово ложе какого-то одного ведомства или одной проблематики. На самом деле все гораздо шире.

Действительно, на примере, я так понимаю, сосредоточения опять на этой же проблеме профессионального уровня и аттестации. А может быть, действительно, от этого слишком многое зависит, поэтому мы с самого начала об этом начали говорить. На примере этого совершенно конкретного вопроса мы опять видим такую многогранность и многоаспектность нашей сегодняшней темы.

Как-то так уже получается, что мы пошли определенными блоками выступающих. Обычно методика требует чередования. Наверное, мы тогда пойдем до конца этим путем. Если здесь присутствует Андреев Павел Юрьевич... Присутствует? Да. Я бы предложил сейчас бы дать слово ему.

Павел Юрьевич – президент Московской палаты архитекторов. А потом перейдем к следующему блоку.

П.Ю. АНДРЕЕВ

Я пытался каким-то образом использовать эту технику, может быть, получится. Постараюсь быть кратким.

Я ознакомился со всеми предыдущими материалами предыдущих "круглых столов". И ни у кого не вызывает возражения необходимость этого процесса, в основе которого лежит лицензирование профессиональной творческой деятельности именно персонально архитектора. Архитектор, как известно всем,

множественно было повторено в истории – главный строитель. И мы отнюдь далеки от мысли о том, что мы какие-то единственные люди и не мыслим себя без взаимодействия со всеми коллегами, составляющими единство... производящими этот единый продукт, являющиеся основой деятельности строительной отрасли.

Вопрос идет о том, кто и как будет разрабатывать сами критерии оценки этой профессиональной деятельности, и кому будет принадлежать право этой квалификации. И вот здесь по-моему кроется основная проблема сегодняшнего дня. Мы достаточно много времени потратили в своем цеху для разработки и подготовки различных вариантов корректировки закона об архитектурной деятельности, который уже действительно нуждается в корректировке, потому что ситуация политическая и экономическая изменилась множественно.

Как Андрей Владимирович сказал, родилось пять-шесть или еще сколько-то подвариантов этих вещей, которые на сегодняшний день, как все в жизни, обладают и положительными, и отрицательными какими-то качествами.

Я задал себе просто вопрос. А настало ли время сегодня ставить насущную необходимость нашей профессиональной творческой деятельности от наличия того или иного законодательного акта? Или можно сегодня использовать какое-то другое поле, уже существующее в законодательстве нашей страны, которое позволит нам осуществлять эту деятельность, дать ей развиваться, дать ей устояться и потом уже каким-то образом быть оформленной в виде закона. Поэтому такое достаточно провокационное заявление в рабочей данной обстановке я позволю себе сделать, что если на сегодняшний день у нас происходит какое-то развитие системы саморегулирования, если так или иначе внутри

этой системы возникают коллегиальные палаты рядом со мной сидящего Игоря Мещерина, палаты инженеров, палаты изыскателей и так далее, нет никакой опасности узурпирования одной организации другой или пожирания, или слияния, потому что каждый из них... Хватит бороться за эту самостоятельность, потому что каждый из них представляет собой самостоятельное юридическое лицо со своими расчетными счетами или юридической формы существования. Но на сегодняшний день каким-то образом снять какие-то напряжения по формулировке этих вещей. Иметь в виду, что у нас все-таки есть четыре крупных института в стране, которые так или иначе находятся в поле зрения.

Это Союз архитекторов, который родом из нашего советского прошлого и выполнял колоссальную роль по развитию профессии и отстаиванию какого-то культурного достояния и смысла. Это Академия архитектуры, которая поддержана и прекрасно существует, соседствует с вашим зданием. Это Национальное объединение проектировщиков и изыскателей, которое так или иначе сертифицирует деятельность организаций. Мы все-таки наследники предыдущей эпохи, так или иначе все были частью строительного комплекса. И появляется Палата архитектурная со всей ее структурной организацией региональной, которая, наверное, на основе того, что каждый друг друга знает в регионе и может оценить его профессиональные качества именно благодаря не только образованию, но и опыту, может проводить эту профессиональную аттестацию... Вот эти все четыре организации должны найти какую-то форму взаимодействия. Я так думаю, что если на сегодняшний день вот эти четыре ключевые точки, еще раз повторю, базовая, объединяющая всех дипломированных специалистов, вышедших из высшей школы после бакалавриата и магистратуры, такая шутка есть,

что бакалавры – это еще не архитекторы, магистры – это уже не архитекторы, вот они становятся членами палаты и существуют в видимости единого реестра архитекторов России. После чего Союз архитекторов, который представляет собой творческую элиту, вершина этого – Академия архитектуры, которая соединяет в себе самых великих, и Национальное объединение проектировщиков и изыскателей, дающее допуск на ведение уже какой-то юридической деятельности, профессиональной, коллективной деятельности, наверное, эти четыре столпа могли бы в какой-то момент создать ту самую юридическую платформу. (Не получается у меня справиться с этой техникой, там было несколько схем, но я думаю, я вам каким-то образом передам вам эти материалы. Там более наглядно все это показано). Вот все, что я хотел. Остальное просто уже будет повторением. Но благодаря тому, что нет никаких противоречий и отрицаний ни существования палат, ни всего процесса консолидации, которая должна произойти, все-таки сегодня нужно использовать действующую законодательную платформу, а не ставить весь этот процесс в зависимость от создания новых законов и актов.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо большое, Павел Юрьевич.

Я думаю, что сейчас мы несколько расширим перечень обсуждаемых проблем и предоставим слово Рейльяну Юрию Уговичу, заместителю Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Ю.У. РЕЙЛЬЯН

Спасибо.

Добрый день, уважаемые коллеги, хотел вам доложить, что мы с Андреем Владимировичем достаточно активно ведем эту работу по

обсуждению роли и места архитектора. В целом поддерживая идею усиления этой роли, мы указываем на то, что над законопроектом надо еще поработать.

Что хотелось бы сказать? Сегодня в силу ряда причин сложилась ситуация, которая означает, что мы утратили компетенцию в этой области фактически, не только в архитектурной деятельности, но и в целом в градостроительной деятельности. Я бы все-таки для целестроения нашей кафедры в этом случае объединил эти понятия или соединил, потому что архитекторы выполняют еще какие-то функции, которые напрямую не связаны с градостроительством, но для нашей части это очень важно.

Также утрачена и функция заказчика, и мы подбираемся планомерно, чтобы в течение нескольких лет утратить функцию проектировщика в целом. Поэтому мы констатируем состояние отрасли сегодня. Центр компетенции и ответственности перенесен на плечи генеральных подрядчиков. Существующее сегодня законодательство гласит: построй быстро, дешево и качественно, выбери любые два. Результат таков. Мы недавно посещали город Волгоград с Игорем Ивановичем Шуваловым в рамках подготовки к чемпионату мира по футболу и в аэропорту обсуждали строительство аэровокзального комплекса.

Шувалов спросил... Как и во всех городах, вы знаете это прекрасно, существует старое АВК(?), которое выполнено в стиле сталинского ампира. Шувалов говорит: скажите, пожалуйста, можете сохранить его, вписать? — Ему говорят: нет, здесь стекло, бетон, все современное. — Он говорит: тогда вам поручение, вы... понятно, что здание старое, в плохом состоянии, вы крылья убирайте, стройте, а эту среднюю часть попытайтесь вписать, а то мы уже утратили вообще какой бы-то ни было облик. Так было показательно. Мы

потом обсуждали во время объезда города это дело не раз, то есть архитектурного облика целых городов не стало за последние десятилетия. Мы подтверждаем, что с этим надо что-то делать.

Очередное подтверждение. Сегодня предполагаем обсуждать, что делать с объектами культурного наследия, то есть с тем, что создали до нас. Давайте мы хотя бы здесь соберем компетенцию, чтобы умудриться это не утратить. Это тревожно.

Что хотелось бы сказать. Мы однозначно выступаем за изменение подходов к организации архитектурно-строительной деятельности. О чем идет речь? Мы считаем назревшей необходимостью ставить вопрос персонификации лиц участвующих. Я веду речь о специальной правосубъектности. Строительная деятельность отнесена к таким видам деятельности Гражданским кодексом, но так же как все остальные: управление автомобилем, владением оружием и так далее. То есть нам нужно выявить людей и их покрасить(?), путем ли выдачи именных сертификатов, других документов. Мы не настаиваем на лицензировании, но прошу обратить внимание. Нам выявить квалифицированных людей... Еще раз говорю, необходимо вести речь с ними.

Мы выступаем за то, чтобы вернуть институт ГИПов и ГАПов, и всех остальных, сокращениях которых знакомы строителям-профессионалам. И взаимоотношения в организации строительного процесса выстраивать между конкретными людьми, а не обезличенными в силу ряда причин юрлицами, которые создаются. Теперь новая мода. У нас все участники процесса от заказчика до генподрядчика создаются в виде так называемых проектных компаний, которые благополучно ликвидируется после окончания и реализации проекта и получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.

Поэтому мы считаем, что как часть этой общей работы, в том числе и предложения по части архитекторов, оно назрело, о нем надо думать. Кроме этого, мы считаем, что повсеместный переход к тому, чтобы существовала обязательная архитектурная стадия у всех проектов проходила конкурсы и так далее, но в силу опять же существующих сегодня реалий невозможна. Но вместе с тем, считаем необходимым определять виды объектов, по которым это нужно делать, и профессиональная оценка результатов этой деятельности должна быть.

Пользуясь случаем, еще об одном хотел сказать. Это параллельное движение. Вместе с тем оно закладывает основу подхода. Я хочу сказать о роли главных архитекторов городов. Могу вам сказать, что сегодня у нас в целом по стране, не в укор некоторым присутствующим здесь архитекторам, ситуация трагическая, как и все остальное. Кто в отрасли долго, те знают, что всегда существовала практика, что главные архитекторы переживали многих руководителей за время своего существования. И представители некоторых фамилий здесь присутствуют также.

Так вот, я хочу сказать, что мы будем настаивать на том, чтобы человек, претендующий на такую роль и должность, должен соответствовать очень большому количеству критериев. Мы будем настаивать практически на максимально возможном перечне – от стажа и опыта до реализованных проектов, и так далее.

Я вам скажу, что Институт генеральных планов превратился в фикцию отчасти. И проверяя сегодня генеральные планы и правила землепользования и застройки, мы сталкиваемся в ряде случаев с профанацией. Нам известны случаи, когда генеральные планы городов разрабатывал индивидуальный предприниматель миллионика.

Если не будет квалифицированного лица, которое может принимать эту работу... потому что сегодня это компиляция пожеланий активных представителей городской среды (скажем так, чтобы корректно выражаться). Поэтому очень часто бывает, что генеральные планы представляют собой такой сшитый кафтан спешно, и в этом закладываются многие проблемы, в том числе архитектурных обликов. Поэтому считаем необходимым... Есть положения законопроекта, которые требуют обсуждения. Предполагаю, что нам удастся это увязать в целом с тем, что я сказал, потому что хороший пример сегодня, Сергей Евгеньевич, Вы озвучили, это институт нотариата, когда у нас физические лица, чья компетенция подтверждена специальным образом, входят в объединения, и это реализовывается. Поэтому об этом надо думать.

В этом плане, конечно, надо попытаться, правильно здесь прозвучало предложение, максимально укладывать это в существующую канву закона и практику, потому что постоянная бесконечная реформа имеет свои минусы. Поэтому мы готовы напряженно трудиться для того, чтобы этот законопроект привести в божеский вид. По моим данным он с 1999 года у нас. Никак не затрагивался нами. То есть при такой динамичной реформе всего массива мы почему-то эту область упустили.

И то, что не совсем нас касается, потому что мы последние в этой "биологической цепочке" — это подготовка таких специалистов. Сегодня ужасающие цифры: 80 вузов с таким количеством в год выпускающихся. Надо подумать, может быть, мы сконцентрируемся на центрах компетенции, которые традиционно существовали в этой стране?

Конечно, нужно говорить и о практической подготовке. То есть это должна быть программа подготовки... Во-первых, профессия

сама "архитектор", во-вторых, программа подготовки, чтобы было большее количество практики у студентов во время обучения, чтобы эти молодые и перспективные ребята выявлялись на этой стадии.

В общем, ничего нового я не пытаюсь сегодня сказать, все это существовало в нашей стране. Мы сожалеем, что в этом случае Болонская система образования не приносит положительных результатов, и, несмотря на то, что мы затрачиваем все вместе достаточно большие средства на подготовку таких специалистов, выявляется необходимость их переподготовки или доделки. Это не здорово, но, еще раз говорю, я не за революцию, я все-таки за эволюцию, поэтому надо подумать о том, чтобы количество вузов при таком... Если рынок спрашивает такое количество выпускников, то зачем тогда такое количество вузов? Поэтому либо увеличить количество выпускников, если это необходимо, либо уменьшить количество вузов, чтобы квалификацию собрать. Потому что уже среди преподавателей появляется очень много людей, недостаточной квалификации.

Вот если удастся весь пласт двигать, я считаю, что у нас шансы есть.

Вот все, что я хотел сказать. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо большое. Я лично воспринимаю Ваше выступление, как сигнал того, что мы не зря сегодня здесь собрались, потому что я так понимаю, что Ваше министерство считает эту проблему более чем актуальной. Безусловно, мы будем искать эти пути, потому что для нас, конечно, не самоцель обязательно "испечь" какой-то законопроект, нужно как-то сдвинуть ситуацию в этой весьма сложной и многоаспектной сфере. Мы сегодня об этом говорим, и Юрий Угович очень правильно озвучил те проблемы. В них масса

кажущихся противоречий и непонятностей, такое огромное количество вузов, и в то же время, я могу поназывать эти муниципалитеты, которые я сам знаю, где нет ни одного человека с архитектурным образованием. То есть мы сейчас говорим о высокой требовательности к должности главного архитектора, но при этом мы знаем, что в районе мы никого не можем назначить, потому что нет ни одного архитектора.

Мы говорим о генпланах, понимаем, что система вообще управления муниципального, государственного очень сильно забюрократизирована, но при этом понимаем, что генплан действительно, несмотря на всю бюрократию, не играет сейчас практически никакой роли, то есть никто на него не смотрит.

Мы понимаем, что тот же главный архитектор – это должно было быть ответственное лицо, от которого очень много зависит, но на практике мы видим, что во многих регионах и муниципалитетах должность главного архитектора запрятана куда-то внутрь каких-то непонятных департаментов, и, в общем-то, от его подписи ничего не зависит. К сожалению, реальность такова.

И что-то здесь, видимо, придется делать на федеральном уровне при помощи каких-то нормативных актов в том числе. Поэтому, безусловно, масса проблем и это очень правильно, что мы об этом заговорили сегодня. И опять же еще раз вспомню выступление Михаила Михайловича Посохина о том, что все-таки мы должны думать не только об архитекторах в чистом виде, наверное, эту проблему не сдвинуть с мертвой точки, пока мы не будем помнить про проектировщиков, про изыскателей, вообще про то, как это все вписывается в строительную деятельность и одновременно в культурную деятельность. Потому что, наверное, то, о чем говорили многие выступающие... мы очень многое утратили

именно потому, что мы забыли, что архитектор – это индивидуальный творец. Без учета этого аспекта тоже никуда не стронешься.

По поводу индивидуальной ответственности и по поводу вообще ответственности я думаю, что нам много что расскажет Цветнов Владимир Анатольевич, представитель Министерства культуры. Потому что то, что мы видим в области охраны объектов культурного наследия и комплексной застройки исторических поселений, я лично об этом не смогу говорить спокойно, отказываюсь об этом говорить. Я лучше предоставлю слово Владимиру Анатольевичу как ответственному чиновнику, он скажет об этом корректным и дипломатичным языком. Это директор Департамента контроля, надзора и лицензирования в сфере культурного наследия Министерства культуры. Спасибо.

В.А. ЦВЕТНОВ

Спасибо.

По поводу исторических поселений я в принципе хотел бы сказать, потому что тема культурного наследия... многие из здесь присутствующих уже много об этом слышали, практически каждый из присутствующих знает, что это за тема, постоянно на каком-то этапе в каком-то законопроекте с ней сталкиваются и так далее. То есть мы входим непосредственно в жизнь и чем больше мы входим в общую жизнь страны, тем больше мы изумляемся тому, что мы видим. Учитывая то, что наша страна – это некий такой создатель и хранитель культурного наследия на всей территории нашей страны, не просто наследия для нас, как для россиян, а мирового наследия, у нас 28 объектов культурного наследия и природных территорий входят в список всемирного наследия, не просто так наша страна представлена в таком международном списке... У нас масса

архитектурных памятников и строений, о которых вы все знаете, которые видите на фотографиях, обложках, марках, наклейках и на всем остальном, это древние постройки, сооружения, памятники, памятные места, территории и так далее. Я бы хотел сегодня остановиться, раз у нас такая тема пошла, конечно, хотел бы остановиться на территориях как таковых, потому что территорий у нас тоже много, территорий с точки зрения не как территорий, а территории с точки зрения ее охранного статуса. Это историко-культурные ландшафты, заповедники, охранные зоны, памятники истории культуры и достопримечательные места. И новая программа называется "Исторические поселения". Вот тут мы интересно вскрыли такой слой как раз того, о чем я хотел рассказать и о чем анонсировал Сергей Евгеньевич, — это маленькие города, которым много веков. И там вскрываются интересные затеи архитекторов. Если вы видели, наверняка посещали такие маленькие города и видели возникновение непонятных, огромных, даже нельзя сказать строений, на какой-то старинной купеческой улице. Что это? Это нехватка архитектора на данном месте в данное время? Это архитектурный шедевр или что-то? И здесь возникает интересный вопрос, вопрос такого трения: все-таки вы творческие люди, работники. Не знаю, насколько, Сергей Евгеньевич, возможно творчество поставить в какие-то рамки, но, наверное, есть возможность. Все-таки творчество — это такая вещь, которым должно заниматься и общество. Я даже никогда не знал, что столько много различных институтов в направлении архитектуры: палаты, институты, общества, существующие много лет. А в конце концов мы приезжаем на ту же улицу в Гороховец и видим результат работы всех этих палат общественных и так далее. Но у нас, как в любом творчестве, есть от кутюр, есть прет-а-порте. Я бы хотел прет-а-

порте сегодня сказать, о тех маленьких населенных пунктах. Что такое для нас населенный пункт? Мы сделали сейчас пять, в этом году планируем еще пять населенных пунктов сделать.

Названия всем вам знакомые: Выборг, Гороховец, Коломна, Зарайск, Арзамас, Смоленск – все наши многовековые. Мы пытаемся своим охранным обязательством на этих территориях, причем эти территории исторические, сохранить структуру. Это улицы, это направления, это дороги, их ширина, высота старинных зданий и строений, всё остальное. Вот это пытаемся сохранить, и в принципе в этом у нас немножко получается.

Сергей Евгеньевич, хотели бы предложить со своей стороны такую вещь. Именно для таких маленьких исторических поселений, о которых мы говорим, как рекомендацию "круглого стола" включить, мы готовы или для муниципалитета, или там, где существует еще на сегодняшний день какие-то архитектурные единицы, сделать некую методику организации или методику составления правил землепользования и застройки именно для исторических поселений, то, что рождается или в рамках субъекта Российской Федерации – историческое поселение регионального значения, или федеральные исторические поселения, которые возникают в рамках Министерства культуры. Учитывая, что для памятника это его историческая среда, о чем я сейчас сказал, то какие-то, наверное, пожелания, методические рекомендации с точки зрения органа охраны были бы не лишне сделать и предложить на самом деле тому же сообществу, которое будет в свое время заниматься. Потому что эта тема все равно когда-то возникнет, когда-то ее нужно будет решать. Пройдет какое-то количество времени, месяц-два, полгода или год, это полностью все зависит от нас, потому что эту тему, совершенно точно, надо приводить к какому-то знаменателю. Потому что мы на

самом деле теряем саму идею маленьких городов. Я даже слышал, я не буду называть города, туристические кластеры, между собой собираются люди, которые занимаются туризмом и говорят: мы этот город даже рассматривать не будем, он все потерял. Вот мы до этого дошли уже.

Поэтому абсолютно полностью поддерживаю Министерство культуры о внесении изменений в федеральный закон об архитектурной деятельности и хотел бы сказать еще раз, Сергей Евгеньевич, что Вами и Государственной Думой внесен законопроект по изменениям в федеральный закон № 73 об объектах культурного наследия, где, в том числе регламентируется, уже на основе законодательства, отношение к режимам использования территорий исторических поселений. Прошу еще раз поддержать этот закон, он нам в принципе развяжет руки с точки зрения отношения к проектированию и архитектуре тех исторических поселений, которые мы пытаемся еще на сегодняшний день сохранить. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо большое, Владимир Анатольевич. Я-то без сомнения поддержку, потому что являюсь автором этого законопроекта.

На мой взгляд, Владимир Анатольевич, безусловно, затронул одну из самых важных тем, потому что часто приходится с этим, к сожалению, сталкиваться, говорим про Москву, Санкт-Петербург, имея их в виду и максимум крупные областные центры. Есть огромное количество замечательнейших просто городков, которые при европейском подходе к туризму и градостроительству становятся и существуют в таком виде, как серьезнейшие центры туризма. То есть маленькие городки, которые являются крупнейшими центрами туризма. К сожалению, у нас в стране с этим неважно. И именно

малые города, малые исторические поселения наиболее стремительно теряют свой исторический облик. Это, кстати, связано и с проблемами законодательства тоже. В частности, не будем еще раз подробно останавливаться на том, как Градкодекс нам очень либерально позволяет подходить к этим вопросам, та же дачная амнистия, за которую все за и никто не против, я упрощенно называю это процесс, она не требует изготовления вообще проекта, тогда получается: а что согласовывать? А если мы говорим о том, что это здание до трех этажей, но, собственно, такие все в этих малых городах. Достаточно построить одно такое здание без какого-либо согласования на центральной улице, и теряется весь облик города.

Я, Юрий Угович, все-таки очень хочу, чтобы услышало министерство строительства эту проблему, потому что еще раз повторяю, очень часто получается так, что в каких-то важных ключевых вопросах мы подсознательно имеем в виду крупные города и, скажем, забываем о том, что в малых исторических поселениях, которые обладают огромной ценностью, например, в исторических поселениях стоит вопрос о сохранении фоновой застройки или целых улиц, но мы вообще никак не можем на это повлиять. И получается так, что исчезает фоновая застройка, исчезает облик улиц, при этом остаются лишь точечные объекты культурного наследия, на которые удалось набросить вот это "покрывало" охранного законодательства.

Но это приводит к тому, что весь город в целом теряет вообще всякие преимущества: туристические, культурные и так далее. Я просто вижу это своими глазами на примере тех малых городов, с которыми я сталкивался. С этим надо срочно что-то делать. Это в законодательном смысле. Я, конечно, понимаю все сложности регулирования законодательного, я понимаю желание пойти

навстречу строителям, в том числе простым гражданам, которые являются владельцами этих домов, но тем не менее проблема очень актуальная.

Более того, я извиняюсь, что занимаю время, но это действительно важный вопрос. Стремительное разрушение исторического облика малого поселения, я хочу подчеркнуть, происходит именно сейчас. Оно начало происходить с середины 2000-х годов, не в 90-е годы. Проблема заключается в том, что как раз когда уровень жизни населения стал значительно лучше, когда у людей появилась возможность что-то строить, менять, вкладываться в жилище, в дома, именно с этого момента все это началось. В 90-е годы все это просто разрушалось и стояло в законсервированном виде, а сейчас оно меняется и меняется стремительно. Скоро очень многое мы потеряем, я думаю, что это вопрос ближайших 2, 3, 4 лет, никак не больше. Просто, Юрий Угович, я очень прошу, чтобы Министерство строительства услышало нас, услышало сенаторов, депутатов, услышало Министерство культуры, которое, я могу сказать, очень серьезно работает в этом направлении, и плохого слова я не могу сказать, они стараются и очень стараются.

Но дело вот еще в чем. Есть очень важный аспект, на который нужно обратить самое серьезное внимание. Если взять законодательную сферу, ну, 73-й закон настолько детальный, что... понятно, вопросов к нему сохраняется много, и опять возникают различные желания что-то изменить, но это можно менять до бесконечности. По моему ощущению, законодательство в этой сфере достаточно нормально все регулирует. Проблема, видимо, в другом. Проблема в том, что сейчас на данный момент в сохранении исторического облика (я так немного утрирую) заинтересована, по большому счету, только охранный инспекция. Вот на месте мы

сталкиваемся с этим. То есть ни региональным властям зачастую, ни муниципальным властям это вообще мало интересно. Никто не хочет провести прямую цепочку между сохранением облика поселения и, например, экономическим эффектом от туризма. Это слишком долгая цепочка, на эту тему не хочется думать. Все хотят извлечь сиюминутную выгоду. В этом абсолютно не заинтересован бизнес, потому что для бизнеса это, как правило, выступает в роли каких-то оков, преград, препонов, для того чтобы строить, как им хотелось бы, извлекать из этого прибыль. К сожалению, рядовым гражданам, просто владельцам этих небольших домов, исторических поселений это тоже не нужно, потому что любой владелец дома с небольшим доходом хватается за сердце, когда слышит, что его дом — объект культурного наследия, потому что это масса ограничений, проблем, это нельзя, нужно делать только так, это, в конце концов, деньги и так далее. То есть глобальнейшая проблема. Что этому противопоставить, кроме моральных мотивов? Пока непонятно. Если только инспекция по охране культурного наследия выступает таким цербером и жандармом, который бегаёт и всем угрожает, ничего из этого ничего получится, потому что сделают все равно так, как хотят.

Конечно, глобальнейшая проблема здесь заключается, на мой взгляд, в общем уровне культуры и властей, и бизнесменов, и жителей. Честно говоря, мы многое утратили из советского времени, когда несмотря на то, что состояние многих памятников было тоже далеко не ахти, но, по крайней мере, ощущение уважения к табличке, что это памятник архитектуры, было повсеместное. Даже люди, не вполне образованные, совершенно четко понимали, что это такое, ни у кого бы рука на это не поднялась. Сейчас совершенно другая картина. Поэтому я почему сейчас об этом заговорил, может, нам в том числе подумать, как нам начать с архитекторов как

непосредственных участников этого процесса, чтобы не только кнутом, а как-то попытаться, чтобы само архитектурное сообщество внутри себя наконец-то начало воспитывать уважительное отношение к объекту культурного наследия и к режиму исторических поселений и вообще к застройке городов. Потому что, к сожалению, вынужден это констатировать, среди большого числа архитекторов, которые берутся за проекты в исторических поселениях или в охранных зонах, или еще где-то, в глазах горит желтый металл, а абсолютно не их творческая совесть, не их стремление сделать красиво и правильно и даже не стремление соблюдать существующие законы. Это грандиозная проблема, я думаю, что мы ее ни в коем случае не должны упустить при нашей дальнейшей работе по итогам "круглого стола".

Еще раз прошу прощения за то, что занял время у других выступающих, но мне кажется это важная проблема и мы ее должны все время держать в голове.

Я бы в заключение такого нашего властного блока органов власти хотел предоставить слово Кузнецову Сергею Олеговичу. Это представитель города Москвы, главному архитектору города Москвы, первому заместителю председателя Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы. Спасибо.

С.О. КУЗНЕЦОВ

Спасибо.

Добрый день, коллеги! Я постараюсь коротко рассказать про тот опыт, который уже есть в Москве, и который родился, и напрямую относится к предмету сегодняшнего обсуждения, то, что погружается в закон об архитектурной деятельности, который так или иначе уже реализуется, тем не менее, пока без этого закона, но с рядом наших региональных (уже на уровне Москвы) принятых актов

и распределительных(?) документов. Это то, что уже можно, как опыт обсуждать. Мы с удовольствием им готовы поделиться, если это интересно. И поучаствовать в работе, потому что у нас наработки есть.

Во-первых, есть практика (то, о чем сегодня много упоминалось) конкурсной деятельности. Довольно широко развернута у нас. Команда, которая когда меня пригласили на ту работу, и команда, которая мной собрана... мы уже провели 30 конкурсов, причем от очень масштабных (типа конкурса на парк Зарядье) до относительно небольших конкурсов на какие-то арт-объекты в городе, то есть самого разного характера – открытого, закрытого. И опробовали очень много разных схем.

Я могу сказать, что проблема, с которой мы сталкиваемся при определении победителей и при дальнейшей работе, кроется в меньшей степени в квалификации людей, могу сказать точно. Потому что все-таки мы для себя задачей ставили – кроме поиска оптимальных и лучших решений, еще и возможность работы для молодых архитекторов, для начинающих, то, о чем сегодня много говорится. То есть где у нас вопрос поколения современных молодых активных архитекторов, которые составляют активную, массовую часть западного архитектурного сообщества, на которое мы часто обращаем внимание, и сравниваем себя с ними? У нас сегодня намечается большой разрыв поколений.

Я хочу сказать, что мне 37 лет. В 35 лет я стал главным архитектором Москвы. И знаю, что сверстников моего возраста немного на рынке. Можно сказать, что даже единицы. Я, например, считал, что возможность создания конкуренции и появления способных людей, возможность дать им появиться на рынке – это была одна из задач. И вопросы, с которыми сталкиваемся, еще раз

повторю, не в аттестации. Мы не стремимся... нет проблемы с тем, что они каким-то образом не имеют сертификатов, или лицензии, или чего-то еще, хотя с уважением отношусь к этой проблеме. Не считаю, что ей не надо заниматься. И международная практика показывает, что персонификация и лицензирование — это важные вещи.

Но я бы обратил внимание в большой степени это конечно же тематика возможности передачи заказов победителю конкурса. Сегодня мы такой возможности лишены из-за действия 44-го ФЗ. И государственный орган госвласти, распределитель бюджетных средств, не может передать заказ победителям конкурса. Яркий пример. У нас парк Зарядье, уже полтора года назад проведен конкурс. Только сейчас мы подошли к заключению договора с победителями в силу большого количества разных препятствий именно административно-бюрократического характера. Поэтому мне казалось бы тематика преемственности и контроля за реализацией творческого замысла от архитектурной идеи до реализации объекта, включая и контрактование, и объем работ, передачу, и авторский надзор и участие в актировании работ, эта вся цепочка выстраивания от того, как человек с идеей некой появился и получил право ее реализовывать до качества реализации, я считаю, что это должно быть фокусом этого закона. По крайней мере, одним из основных, которым мы сейчас на уровне Москвы пытаемся заниматься. Недавно с руководителями стройкомплексов мы встречались с Вами, Андрей Владимирович. При его посредничестве делали встречу с профессиональным сообществом. Эта проблема заявлялась как одна из ключевых.

Я тут многие вещи, могу сразу говорить, примерял и на себя лично. Я уже сказал, что в довольно молодом возрасте стал главным

архитектором, и успел пройти все этапы становления. Причем я не являюсь членом Союза архитекторов до сих пор. Я к тому, что тематика лицензирования и вхождения в профессиональные союзы пока как-то прошла стороной, хотя я могу сказать, что путь был непростой. Я понимаю, почему людей моего возраста мало на рынке, то есть инструментария так называемых профессиональных лифтов (расхожее выражение) сегодня у нас очень мало или нет вообще.

Режим не только защиты рынка от неквалифицированных специалистов и разного рода регуляторы, которые позволяют лоббистским группам держаться на хорошем уровне и иметь доступ к заказам, но и стимуляция, развитие широты конкуренции, широты выбора. Я могу сказать, что сейчас для меня, как для чиновника, отвечающего за качество проектирования в городе, когда мы и рекомендуем коллегам федеральным... Сегодня у нас много запросов на консультативные уже услуги. Готовится конкурс на парламентский центр. В эту пятницу заседание жюри по Олимпийскому комитету России. Когда к нам приходят и говорят: помогите нам организовать. Росатомом мы недавно занимались. Это уже наша практика, которую мы в Москве завели, набирает обороты.

Но когда нас просят консультировать как, что и кого отбирать, какие вводить, я понимаю, что ввод критериев жестких ведет к тому, что либо мы сводимся к тому, что надо начинать приглашать массово иностранцев, либо мы сводимся к тому, что мы начинаем, как бы по мнению ряда людей, рисковать, набирая неквалифицированных неопытных людей, хотя я бы этого в меньшей степени боялся. Потому что опыт показывает, чтобы дать возможность широкой массе российских архитекторов (я уверен, что у нас масса талантливой молодежи и людей способных проектировать, создавать здания, и градостроительные проекты),

чтобы им дать возможность этого "лифта" и роста, то я бы тут опасался слишком перегнуть с жесткостью, с регуляциями, чем не догнуть. Здесь опасность в избыточном регулировании скорее таится.

Я тоже тезисы, которые озвучил Михаил Михайлович, прочитал. Мне кажется, что они очень разумно написаны. Там об этом есть глава.

Плюс, чем можно поделиться из опыта Москвы. Могу сказать, что в Москве мы утвердили постановление № 284 об АГР (архитектурном градостроительном решении). Момент важный – как власти контролируют то, что в городе происходит в архитектурной деятельности. Есть положение об архитектурном совете. В Москве работает архитектурный совет. Мы ведем активную деятельность издательскую, выпускаем книги, работаем с нашими институтами(?) образовательными, выпускаем разного рода регуляторы. Сегодня было много сказано по теме охраны памятников. Вообще незамусоривание города разными неприятными явлениями, самовольными, даже временными какими-то вещами. Тут тоже у нас опыт накоплен. Можем, кому интересно им поделиться. У нас сегодня работают правила. Мы перешли с режима заявительного на режим соблюдения правил по размещению информационных конструкций, то есть одновременно убрав административные барьеры и придя к четкой регуляции и по размещению летних кафе, и по стандартам благоустройства магистралей. Сейчас готовятся набережные в связи с проектом Москвы-реки большим, который на конкурсе был разыгран в конце 2014 года. Сергей Семенович объявил победителя у нас. Сейчас готовится концепция.

Плюс большая работа была проведена по модернизации ДСК в Москве. Была большая история этого вопроса. Долго мы очень шли в массовом строительстве только вверх и вширь, и в типизацию,

и однообразии. И кино про это снимали "Ирония судьбы, или с легким паром". Все это было. Сегодня наметилось преодоление этой проблемы. ДСК, которые работают на Москву, они сегодня все... Мы выпускаем в конце апреля постановление по стандартам. Мы их называем "стандарты жилой застройки", где описано, что такое комфортная среда и она подразумевает... На основе этих стандартов работают домостроительные комбинаты и выпускают уже новые серии, новые наборы для комплектации новых зданий, то есть даже уже не серии домов, а просто некий конструктор, из которого может архитектор собирать здания.

Вкратце, у нас сегодня регламент жесткий. Я могу сказать еще раз, что если нужен какой-то из этих опытов, который получен и реально на практике работает. Вы посмотрите, что происходит с вывесками... Ну, даже такие мелочи в масштабах высокой большой архитектуры, тем не менее существенные для города. Можно сегодня убедиться в том, что этот опыт, который я сейчас называю, не только он на бумаге или в идеях, а он уже практически реализуется. Он больше двух лет уже работает. Мы с удовольствием готовы участвовать, делиться им, готовыми документами или просто какими-то идеями. Я хотел об этом сказать. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо, Сергей Олегович.

Мы все время говорим о неких тезисах, которые все прочитали. Но я надеюсь, что все как-то уже прочитали и рекомендации. У всех есть текст рекомендаций "круглого стола"? Потому что мы дальше будем их обсуждать, и просим от вас всяческих предложений туда. И я еще раз напоминаю всем: они у вас есть в этой толстой замечательной книжке, если нет, отдельно.

Они в самом начале. У нас есть проект рекомендаций. Я сразу обращаю внимание, что это лишь проект.

Поскольку проблема сложна, непроста и многоаспектна, мы ждем от всех в течение недели, наверное, недели будет достаточно для того, чтобы подготовить предложения по изменению этого текста. И все, что посчитаете нужным, присылайте, мы обработаем и внесем в проект рекомендаций. Я просто заранее еще раз напоминаю о том, о чем будем говорить в самом конце.

Теперь мы предоставим слово моим коллегам-сенаторам и представителям Государственной Думы. Сударенков Валерий Васильевич у нас записался на выступление, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре. Спасибо.

В.В. СУДАРЕНКОВ

Михаил Михайлович, наверное, помнит то время, когда Михаил Сергеевич Горбачев... *(Сбой в записи.)*

... сегодняшнего законодательства достаточно, чтобы хотя бы что-то делать, чтобы не нарушать то, что в Градкодексе написано. Иногда берешь закон, все есть, но мы же его нарушаем. Это самый главный вопрос, что у нас сегодня законов достаточно, но подзаконные все системы исполнения... вот мы сами же ее не исполняем, разрушаем и так далее.

Но самый главный момент – это ответственность за результат. В 1996 году, когда Градкодекс только начинался, новая редакция, и Москва как раз отстраивала свой единый порядок предпроектный и проектный, спорили архитекторы и говорили: мы главные, мы все сами решим, нам даже экспертизу не надо. Я отвечаю, я как автор, я как ответственное лицо. И один из самых уважаемых архитекторов,

господин Меерсон, вышел и говорит: "А чем я отвечаю?" Поэтому тут надо разделить на две части.

Первое – это абсолютно архитектурный замысел, дизайн, технология, которая должна быть дальше реализована в эффективном проекте, в технической части этого проекта. Вопросов нет, и конкурсы у нас архитектурные, это надо поддерживать. Закон об архитектурной деятельности мы уже третий год так и не доведем до ума, уже там пятая редакция. Но давайте все-таки разделим на две части. Видов архитектурной деятельности даже по Градкодексу не один, и то, что касается планирования всех видов, касающихся градостроительной... планирования территорий, планировки территорий – это ответственный документ. И действительно здесь у нас упущено то, как было сказано, что даже, оказывается, мы в саморегулировании не учли эту деятельность. Это не так. Да, мы ее учитываем, может, не так четко учитываем, надо здесь дорабатывать. Будем дорабатывать.

Второй момент – это, конечно, такого закона об архитектурной деятельности... любой закон о любом виде деятельности, именно профессиональный. Все-таки нам надо доработать какую-то четкую его концепцию. Потому что даже уже сегодня согласны, что есть четыре общественных организации, которые могут между собой договориться и внести свой вклад. Но все-таки за результат, за безопасное, за комфортное строительство сегодня отвечает по закону у нас... то, что создана система саморегулирования, обязательного саморегулирования. И, не имея допуска на определенные виды работ, мы не можем реализовывать объект, мы не можем его спроектировать, не имеем права, и не можем осуществить его строительство. Значит, мы же должны уважать всю эту цепочку и понимать, какие нам специалисты и

какие виды деятельности нужны, для того чтобы результат... и ответственность за результат несет юридическое или физическое лицо. У нас проектировать может тот, кто предприниматель, зарегистрировал себя как отвечающий самостоятельно. Чем? Это уже следующий вопрос, как работает система и так далее. Мы это не обсуждаем. Поэтому это второй момент.

Все-таки хотелось до ума довести концепцию, потому что закон этот обязательно нужен. И обсуждение Градкодекса показало, какие здесь есть вопросы. В пятницу мы будем опять говорить... на семи листах дали предложения, НИИ Минстроя, видов именно в области градостроительного проектирования, почти на семи листах, какие должны быть специалисты и какие нужно иметь стандарты этой профессиональной деятельности. Значит, надо это все делать. Задаем вопрос общественной организации, может, они нам бы стандарты помогли сделать, отработали их и так далее. Конечно, тут нужно сообщество.

И последний момент, о котором бы очень хотелось сказать. Какую бы тему мы ни обсуждали (только что 10 лет Градкодекс обсуждали), вопрос информационной открытости... необязательно дощечку вешать, хотя это по старинке мы привыкли, это здорово, это у нас, наверное, в крови, не премию, ну, может, сегодня уже премию предпочтут дощечке, не знаю, но информационная открытость — это один из самых главных сегодня современных инструментов. И мы до конца не можем понять, что информационный государственный ресурс — это основа основ как на стыковке разных видов деятельности, как при создании объекта капитального строительства, как архитектурно-строительного, как и среды, когда говорит главный архитектор, как реализации генеральных планов, как качество генеральных планов, к сожалению,

мы эту систему тоже до сих пор не отстроили. Вот это еще одна часть, над которой, конечно же, надо согласовано отработать.

Поэтому если говорить... тут много, конечно, и тезисы здесь есть, и рекомендации, надо их отработать, но хотелось бы каждому. Очень много в регионы сейчас приходится приезжать. Я считаю, от уровня субъектов, наших губернаторов зависит очень много. И мне казалось бы, даже в той ситуации, которая сегодня (антикризисная или еще какая-то), вот такая согласованная позиция с пониманием института главных архитекторов (это вопрос вопросов), с пониманием роли генеральных планов и всех инструментов их реализации на профессиональном уровне, а любую профессию нужно действительно по статусу лицензировать, чтобы можно было занять ту или иную позицию. И высшее образование сегодня, та схема, которую нам сегодня предоставили (и у нас завтра-послезавтра будет Минобр), бакалавра и магистра, по своему опыту (я преподаю достаточно давно) я только одно могу сказать. Сегодня молодежь (магистры) – это те, которые себя уже попробовали на работе, приняли решение, что им надо дополнительное образование с позиции общего. И тогда они решают уже быть или не быть, пойти или не пойти в исследование. А вот бакалавры, сейчас только 37 человек выпускала, изумительные ребята. Вопрос в другом – куда они пойдут работать? Вот кто смог с малолетства, с первого курса, где-то устроиться, у него уже есть практика. А вот кто еще только учится на пятерки... Самые счастливые троечники, я вас уверяю, они адаптируются к среде. А вот те, которые на одни пятерки и сразу же после бакалавров хотят куда-то пойти, к сожалению, наши юридические лица, наши общественные организации, которые бы взяли на себя, они с молодежью в этой логике мало кто занимается. Вот, наверное, в этой части надо бы до конца подумать. Потому что

на самом деле мы не имеем права отступать от общепринятых принципов, и если мы сами не дорабатываем, значит, не дорабатываем.

Поэтому, конечно же, нам нужна рабочую группу по этому законопроекту все-таки какую-то очень узкую. И кое-что отсюда просто убрать, потому что оно не есть предмет этого закона. Ограничить область регулирования этого закона об архитектурной деятельности как действительно регулирование профессиональной деятельности с позиций создания всех тех институтов, которые ответственно нужны государству прежде всего. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо, Светлана Самуиловна.

Мы, естественно, уже зашкалили наш регламент и вышли за его пределы. А вот Кузьмин Александр Викторович у нас присутствует здесь? Президент Российской академии.

С МЕСТА

Приболел.

С.Е. РЫБАКОВ

Болеет. Жалко, потому что мы все-таки не можем не предоставить в конце слово нашей науке. Поскольку каждый понимает, что есть регламент, то когда начинает выступать, об этом забывает, естественно.

Я особенно обратился бы к представителям науки, поскольку сам как профессор понимаю, что говорить очень хочется много. И у нас два выступающих – это Филиппов Николай Олегович, руководитель проектов аналитики и проектного планирования, проектов GR и РА Московского архитектурного института, и Коробьина Ирина Михайловна, директор Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева. Я не

могу, конечно же, не предоставить вам слово. И просьба, не повторяясь, рассказать то, что вы думаете по этому поводу. Пожалуйста, Николай Олегович.

Н.О. ФИЛИППОВ

Из того, что я услышал на этом "круглом столе" и из тех материалов, которые я посмотрел, хотел бы отметить следующее, что я не услышал больших противоречий, хотя прозвучали такие эмоциональные дискуссии, а скорее отметил для себя, что многие выступления дополняют друг друга с разных сторон. Это первое.

Второе. Я должен заметить, что высшая школа, о которой мы говорим, о подготовке молодых специалистов и это звучит здесь буквально россыпями, буквально практически в каждом заявлении. И вот уходит... Нет, не уходит господин по Крыму.

В этих тезисах по высшей школе как-то ничего не отразилось. Мы готовы дополнить этот раздел. И мы оставим и пришлем, я вам передам дубликат.

Что бы я хотел дополнить помимо того, что Георгий Васильевич сказал о структурировании подготовки специалистов? Высшая школа находится сегодня в таком положении, что, с одной стороны, если это положение не изменится, то через некоторое время, честно говоря, мне даже сложно представить, как можно будет собрать такой "стол".

А теперь уже конкретно. Во-первых, спасибо Сергею Евгеньевичу, что пригласили на эту площадку. 1 февраля 2014 года... Да, чтобы было понятно, иногда некоторые решения, казалось бы, мы говорим об архитектуре, практически все время здесь говорили за каким-то редким исключением. Иногда было какое-то выпадение на тему о подготовке специалистов, о недостаточности работы и поле работ, которое существует в Крыму и так далее. Мы тоже

встречались и по Крыму. Мы работаем плотно с департаментом правительства Москвы, мы работаем с Москомархитектуры, но каждый раз мы все время выбираем ограничение, то есть возможности высшей школы, например, на сегодняшний день полностью исчерпаны, мы по ним уже все отработали. Поэтому мы пришли к следующему убеждению.

Вот 1 февраля 2014 года вступило в силу постановление, которое подписал Владимир Владимирович о квотировании 15 процентов госзаказа для малого и среднего бизнеса. Катырин Сергей Николаевич лоббировал. И Президент подписал это постановление. 7 апреля этого года, 2015 года, на заседании Госсовета Президент поставил новые задачи о поддержке малого и среднего бизнеса: малый бизнес как основа страны. Нашими специалистами подготовлена краткая рабочая записка, которая у вас лежит, состоящая всего из двух принципиальных предложений всего по двум темам.

Первое предложение – это совершенствование внебюджетного финансирования высшей школы. Потому что на сегодняшний день ситуация, докладываю вам, следующая. Во-первых, сокращение бюджета произойдет по высшей школе по разным причинам, связанное с санкциями и так далее. И вторая проблема – это исполнение майских указов Президента. Как вы знаете, они даются большой кровью, и с каждым годом количество этой крови увеличивается, потому что все это происходит за счет сокращения уже действующих специалистов ППС, которые есть в высшей школе.

Мы, специалисты академии МАРХИ, в интересах всей высшей школы с целью реализации майских указов Президента в использовании потенциала и новаций высшей школы на базе создания многочисленных малых и средних предприятий... то есть

мы говорим о том, что год назад Президенту говорили, что возможно ли, высшая школа может зарабатывать сама, потому что не дают олигархи деньги, государство ограничено бюджетами. Президент сказал, что зачем зарабатывать высшей школе. Высшая школа должна чем заниматься? Образование. Время прошло. Практика показала, что теперь любой грамотный спикер может ответить Президенту, что, конечно, высшая школа должна сама зарабатывать.

Мы предлагаем следующие законодательные инициативы. И здесь два формата. Это, возможно, или связать с № 44-ФЗ, или соответственно, первое, рассмотреть и принять постановление о квотировании высшей школы, не более 20 процентов профильных госзаказов или доля 20 процентов в каждом профильном госзаказе с целью профессионализации и повышения качества исполнения госзаказов, а также во исполнение решений Госсовета от 7 апреля по развитию и поддержке малых и средних предприятий. То есть если мы говорим, что дайте молодежи что-то делать, мы делаем конкретные предложения. Вот это предложение позволит высшей школе зарабатывать деньги внебюджетные.

Второе. В связи с этим сформировать пул аффилированных банков с целью обеспечения 10 процентов залоговых средств для высшей школы при участии в профильных госзаказах в режиме целевых беспроцентных кредитов. То есть у нас проблема: мы выходим на любой госзаказ, то связано с любой высшей школой, мы лоббируем не только МАРХИ, а всю высшую школу, мы сталкиваемся с тем, что мы не можем взять госзаказ, потому что мы не можем даже заплатить 10 процентов залоговых.

Третье. Рекомендовать мэрам городов, нам кажется это очень важно, утвердить пост специального уполномоченного в ранге заместителя мэра по взаимодействию с высшей школой с целью

формирования новой экономической политики на местах (того самого НЭПа, о котором говорил, в частности, Титов 7 апреля), использования инновационного высшей школы по развитию малого и среднего бизнеса в обеспечении госзаказов.

О чем идет речь? Речь идет о том, что все, что сегодня перечисляли, если сказать просто, это большие дядьки занимаются большими делами.

Но есть огромные поля приложения, где совершенно не работает большая архитектура. И в этих полях, это законченные бизнес-планы мы приготовили, у нас есть "дорожная карта", мы готовы ее представить, приготовили три экспериментальных проекта. Мы готовы просто показать, как на практике эти поля можно использовать, то есть имеется в виду, есть рынок, который используется архитекторами и строителями...

С.Е. РЫБАКОВ

Николай Олегович, заканчиваем.

Н.О. ФИЛИППОВ

Заканчиваю.

Сегодня высшая школа похожа на садовника, у которого имеется еще роскошный, но хиреющий сад. Потенциал позволяет превратить всю страну в роскошный сад. Но как пробка в бутылке высшая школа не может реализовать свой потенциал вследствие отсутствия механизма и средств для реализации.

Очевидно, что олигархи не поднимут высшую школу, государство в условиях международных санкций и бюджетного дефицита исчерпало свои возможности по поддержке высшей школы. Высшая школа может подняться сама, если государство предоставит ей такие возможности. То есть мы — высшая школа не просим дополнительного финансового обеспечения и даже пресловутой

удочки, мы предлагаем лишь совершенствовать законодательство. Всё остальное мы сделаем сами. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо, Николай Олегович.

А.В. БОКОВ

Сергей Евгеньевич, к этому можно буквально одно слово?

Существует такая идея объединения высшей школы и науки.

Вы знаете сегодня, что практически все научно-исследовательские институты, которые занимались нормотворчеством, законотворчеством и так далее, и так далее, типовым проектированием и прочими вещами, в том числе и в области реставрации и так далее, они практически сегодня отсутствуют. Отсутствует этот институт.

Вузы, высшие учебные заведения России какой-то потенциал сохранили сегодня еще. Сегодня существует городской заказ и существует острейшая потребность и необходимость при реформировании нормативной базы.

Почему бы не сделать из существующих этих учебных заведений базу, которая заменила бы отчасти отсутствующие ЗНЕПы(?), ЦНЕПы(?) и так далее, и так далее, всё это.

С.Е. РЫБАКОВ

Понятно.

РЕПЛИКА

... (Не слышно. Говорит не в микрофон.)

А.В. БОКОВ

Было, да, абсолютно точно. Не сделано ничего.

С.Е. РЫБАКОВ

Хорошо. Я думаю, что это нам нужно будет использовать в дальнейшем.

А.В. БОКОВ

И это деньги.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо, Андрей Владимирович.

Ну и Ирина Михайловна Коробьина, пожалуйста.

И.М. КОРОБЬИНА

Спасибо. Спасибо, Сергей Евгеньевич.

Хотела бы вернуться к теме спасения памятников архитектурного наследия и предложить вашему вниманию идею, которая сейчас обретает уже черты проекта. Проект появился в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации. Было поручение сделано Министерству культуры, Государственному музею архитектуры, который я возглавляю, и Правительству Москвы.

В чем смысл идеи? Во всем мире все-таки считается, во всем культурном мире, главным вкладом России в культуру XX века – это советский архитектурный авангард, особенно архитектурный, потому что тема строительства нового мира в архитектуре авангардной приняла буквальное звучание.

На самом деле во всем мире к этой теме не стихает интерес, выходят исследования, различные публикации. К нам все время обращаются не только исследователи крупнейшие, культурные деятели, но эта тема продолжает оставаться актуальной, потому что она обозначила прорыв культурного мира в XX веке. В то же время в России не существует институции, где бы эта тема предьявлялась, где бы она методично изучалась, где бы, я не знаю, эти многочисленные культурные туристы со всего мира могли бы с ней познакомиться, исследователи и непрофессионалы тоже.

В нашем музее, в Государственном музее архитектуры имени Щусева хранится лучшая в мире коллекция советского

архитектурного авангарда. Мы ее не можем предъявить, потому что в свое время в 90-е годы Донской монастырь, где находился филиал Государственного музея архитектуры, был возвращен Русской Православной церкви. И постановление тогда еще Моссовета за подписью Юрия Михайловича Лужкова, один из пунктов этого постановления, где было обещано компенсировать отчужденные 8,5 тыс. кв. метров музея архитектуры, оно до сих пор не реализовано. И это проблема.

Есть и другая проблема. Есть фантастический памятник авангарда – гараж на Новорязанской улице. До недавнего времени он был ремонтной базой, сейчас он освобожден.

Было поручено Правительством Российской Федерации, проработать идею создания центра советского архитектурного авангарда в этом гараже, как филиала Государственного музея архитектуры имени Щусева.

На самом деле все структуры, которым было поручено, действительно глубоко это проработали и действительно пришли к выводу, что целесообразность велика.

И действительно, вот это решение, оно позволяет, с одной стороны, спасти уникальный памятник и придать ему новый смысл, потому что ну самый сложный вопрос в спасении памятников архитектуры – какова их новая жизнь, кто, на какие средства их будет реставрировать, содержать, и в чем будет заключаться эта новая жизнь.

И здесь творение гениального Мельникова, совместное творение с гениальным Владимиром Шуховым, который сделал там конструкции, само по себе, это уже шедевр. Да? И объем мощнейший. Создание там центра советского архитектурного авангарда позволит представить ну фантастические фонды и

выполнить обещания, зафиксированные в постановлении правительства Москвы.

И, наконец, сама территория вокруг вот этого объекта на Новорязанской улице, сегодня депрессивная, надо сказать, конечно, она изменится по аналогии с тем, как это произошло на новом берегу Темзы, тоже была депрессивная территория, криминогенная. И после того, как по проекту Херцога и де Мерона заброшенная электрическая подстанция была превращена в знаменитую Тейт Модерн, ну что произошло с территорией? Сегодня эта самая преуспевающая, самая престижная.

Надо сказать, что Пьер де Мерон, он, конечно, большой друг музея. На самом деле, если мы его попросим, он не откажется. Ну и у нас вот участники этого "круглого стола", многие из участников – ведущие архитекторы России. Я думаю, что это потрясающе интересная задача. Прошу поддержать.

Что касается архитектурного закона, предлагаю принять его в том виде, в котором он проработан. И этой работе Виктор Николаевич Логинов посвятил много лет. По-моему, там все по уму. Спасибо.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо, Ирина Михайловна.

Ну вот, наконец, мы достигли завершения нашей работы с переменным успехом и с немалыми усилиями. Коллеги, очень благодарен всем за то, что вы откликнулись и пришли. Я надеюсь, участие было полезным. Еще раз прошу посмотреть на текст рекомендация. Мы с вами согласны с тем, что мы их в целом принимаем? В целом мы их принимаем.

С нетерпением и огромным желанием жду предложений, которые в адрес нашего комитета можно направить. И я надеюсь,

что они серьезно помогут нам в формировании окончательного документа. И я понимаю, что мы дальше начинаем работать над этой темой.

Кроме того, видимо, и это будет сделать необходимо, параллельно с работой над рекомендациями мы создаем некую рабочую группу для дальнейшего продвижения этой темы, потому что, если не будет конкретных людей-участников, то соответственно все это умрет, как всегда. Поэтому мы дальше будем двигаться уже в составе рабочей группы, куда приглашаю всех заинтересованных лиц.

И не могу не предоставить слово в конце Юрию Уговичу Рейльяну, потому что, видимо, у него накопились ответы на некоторые вопросы. Спасибо.

Ю.У. РЕЙЛЬЯН

Спасибо, Сергей Евгеньевич. Я не буду злоупотреблять вашим вниманием. Здесь по вашей кафедре есть очень коротко. Вы такую болезненную тему затронули. Вот эта вот хаотичная застройка, которая у нас ведется там, где у нас вообще нет компетенции. Я просто хотел вас проинформировать.

Первое. Мы подготовили законопроект по малоэтажке. Исключая ИЖС и по малоэтажке необходимо иметь проектную документацию. Раз. Будет иметь, если вы поддержите при голосовании.

Второе. Малоэтажка, строящаяся для нужд государственного заказа или предполагаемая к реализации потом, даже, если строилась не так, не только проектная документация, но и экспертиза заключения.

При этом обращаю внимание, что и в первом, и во втором случае есть основание для того, чтобы появился надзор, наконец, потому что не надзирается за этой стройкой. Просьба поддержать.

Второе. Депутатами внесены сейчас предложения по исключению части третьей статьи 222 Гражданского кодекса. Всегда как-то пропагандирую, не трогать руками Гражданский кодекс, очень удачный документ. Но вместе с тем, это так называемая легализация самоволок. Мы запросили, и судебные органы нам предоставили практику за последние три года. Она показательная для этих вещей. Мы активно поддерживаем идею, чтобы легализовать через суд самоволку было нельзя.

Мы не лишаем граждан права обжаловать действия конкретных должностных лиц, не выдавших, например, разрешение строительства, но сегодня получается ситуация: мэр оценивает, принимая решение выдать разрешение или нет, пакет документов, а судья — три листочка, например, подписанные четыре года назад чудесным образом, где написано "Проект". Он вот такой. И говорит: пожалуйста, примите решение. И тысячи самоволок легализовывались через суды. Это второе.

И самое главное. Сегодня пути, способ преодоления этого сегодня — сегодня есть правила землепользования и застройки, которые должны приниматься качественно, о чем я говорил вначале, и есть архитектурно-градостроительный регламент, такое понятие, это функция муниципалитета, которую можно осуществлять.

Не получилось, ну так часто бывает, особенно в малых городах, то есть сегодня база есть для этого. Я не пытаюсь защитить чиновников, просто объясняю. Не получилось. 136-ФЗ, 19 субъектов Российской Федерации подняли эти полномочия на уровень субъектов и муниципалитетов. Вот здесь сидит товарищ Рысин из Краснодарского края, они это реализовали, в том числе. Я извиняюсь.

19 субъектов, то есть, если власть убеждается, что не удастся в каждом отдельном муниципалитете, Московская область, поднимается третий путь. Я его не рекомендую. Просто, что мы прошли. Да? В городе Сочи, где была сконцентрирована вся компетенция страны (да?), вышел указ Президента, который называется "Об особенностях регулирования градостроительной деятельности в городе Сочи". То есть, когда у нас идет речь о конкретных городах, на которые нам "молиться" надо (да?), то, например, есть и такой путь, можно об этом думать. То есть указ говорит: границы определенные, ну в этом случае, в случае с Сочи, Минстроем России. В этих границах без согласования, и дальше — с кем — здесь правила использования застройки не работают.

И таким образом, у людей, которые понимают, о чем речь и могут помочь городу, появляется возможность, повлиять на это дело, преодолев общественное суждение, которое у нас сейчас происходит. Тоже непростой институт.

Вот, собственно говоря, пока есть сегодня три ступени, реализовывая которые, можно попытаться даже сегодня спасти, пока мы реформируемся. Еще раз, спасибо вам большое.

С.Е. РЫБАКОВ

Спасибо большое за Вашу информацию. Я надеюсь, что мы как-то будем тесно сотрудничать в этом ключе, в том числе и по тем законопроектам, которые Вы назвали, вот мы как бы втроем: Министерство культуры, наша площадка и вы. Потому что все это — очень волнующие вещи.

Вы, в том числе, подняли такие вопросы, о которых, в общем-то, из деликатности немножко помолчали, по поводу, например, там обратной силы. Тоже ведь возникает все время этот вопрос, если уже

кто-то успел что-то сделать, то, как потом к этому вернуться обратно. Это важный вопрос.

И я даже осмелюсь еще одну, очень неприятную тему поднять – это срок давности ответственности. Потому что возникает, в общем-то, абсурдная ситуация, когда разрушен даже, например... Вот просто есть такие случаи, когда в наглухо конкретно разрушен объект культурного наследия, который стоял в реестре. Все, это сделано, но по какой-то причине кто-то с кем-то договорился, и через три года к этой теме нельзя вернуться. И не наступает даже ответственность за это. Что за абсурд? Потому что любые действия в градостроительстве, в архитектуре – они вечные.

Вот мы все время не отдаем себе отчета в том, что происходит. Мы делаем то, что либо мы уничтожаем то, что было, и его никогда уже вновь не появится, либо мы строим то, что будет стоять там 100–150 лет (но остается надеяться на то, что так сейчас не строят, да) и это тоже останется надолго, а при этом срок давности – три года. Ну что за смех вообще?

То есть я к чему говорю, что, наверное, нам дальше нужно будет очень серьезно поработать, в том числе над законопроектами, заставляющими по-другому относиться к этой теме вообще, и совершенно с другой степенью уважения.

Спасибо Вам огромное, Юрий Угович, спасибо огромное всем участникам.

Да, что, Георгий Васильевич?

Г.В. ЕСАУЛОВ

Одно уточнение. Просто Вы сказали о трех. У нас присутствует руководитель Департамента Министерства экономического развития Чугуевская Елена Станиславовна, поэтому, я думаю, что такой квартет будет более уместен.

С.Е. РЫБАКОВ

Да, конечно.

Спасибо вам большое. Приглашаю к участию в дальнейшей работе. Всего доброго.